ИСТОРИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

В. Н. Рудаков

МОНГОЛО-ТАТАРЫ
глазами древнерусских книжников середины XIII–XV вв.

оцифровал
ColonEast

МОСКВА
Квадрига
2009

русских от «поганых»[97]. Разбив Мамая, русское войско возвращается «въ богоприимный градъ на Москву»[98] и т. д.

Таким образом можно говорить о том, что восприятие монголо-татар автором Повести, во многом опираясь на традиционные представления об «ордынцах», вместе с тем явилось итогом самостоятельной авторской рефлексии по поводу феномена движущихся на Русь иноплеменников. Действительно, в оценках пространного летописного рассказа о Куликовской битве татары – «иноплеменники»; они – «нарыдни и нужестивыи, немилостивы и немилосердии; мнительнии и обезумленнии надеемы; обилствующи; иноплеменники вспыхнувшие, чрезмерностный ратъ; иноплеменники вознерыи; нечестивии дерзнении; нечестивыи иноплеменники; неподобнодивнии («нечестивии» у них – неподобнодивный). Однако, не ограничиваясь простым перечислением эпитетов татар, автор Повести дает *объяснение всем приведенным определениям своих иноплеменников*. «Безмерная рать Мамаева, и вся сила татарьская» – «сила татарьская и половецкая» (а вместе с ними и «погания Литва», а также воссоединенные князем Олегом рязанцы) – в его представлении являются «дерзновенным, *тварящим безмерное*»[99]. Тем самым летописец не только еще раз подчеркивает безмерный характер описываемого им нашествия Мамая-узурпатора, но и указывает на сущность «поганых» вообще.

Новой чертой в восприятии монголо-татар в целом и Мамая в частности является указание на *дьявольскую сущность* предводителя «поганых». В пространной Повести Мамай назван воплощенным дьяволом: «великий князь наеха наперед на... нареченнаго *плотнаго*[98] *дьявола Мамая*»[99], а его союзник – Олег Рязанский – «*дьяволовым светником*»[100]. Прямое именование предводителя татарского войска «дьяволом», пожалуй, впервые встречается именно в рассматриваемом произведении древнерусской литературы. До этого указания на связь «поганых» с дьяволом появлялись эпизодически и носили неявный характер (в рассказе Иоанн о нашествии Батыя татарин, как мы помним, произносится лишь мимоходом черты «лукавого», главной из которых является «лесть»[101]).

В пространном летописном рассказе о Куликовской битве значительное внимание уделено состоянию Мамая – рязанскому князю Олегу и литовскому князю Ягайло. В повествовании они названы «нерасловимыми звери сыроядными». Дмитрий Иванович призывает Господа в помощники для борьбы

---

[97] Сказания о повести... С. 22-23.
[98] Там же. С. 23.
[99] Там же. С. 17.
[100] Запись «поганой» в значении «нечестивый»: СлРЯ XI-XVII вв. Вып. 15. М., 1989. С. 103-104.
[101] Сказания о повести... С. 20.
[102] Там же. С. 16.
[103] ПСРЛ. Т. 2. Стб. 776-782.

Угру»[132]. Таким образом, автор «Сказания» заимствует присущую немецкой пространной летописной Повести и не требующую особых комментариев тему борьбы с могущественным правителем более актуальной для своего времени проблемой возможного противостояния «вечнославному» «царю».

Автор «Сказания», вслед за составителем пространной летописной повести, связывает движение «поганых» на Русь с происками *дьявола*. Весьма показателен в этой связи перевод на татар некоторых характеристик «служащего» – «существующего»[133], «злые христианские умершвлены» и др. Именно «лукавое наущение» Мамая, «надо разорить православную веру и осквернить святые церкви»[134], именно будучи «льщимся непрестанно гаданию», Мамай собирается в поход[135], видя, что русских больше, чем татар, тем не менее продолжает подготовку к битве, будучи «прельщен лукавым на свою погибель»[136]. Мамай не только действует «*от наваждениа диаволя*», по «*подстрекательству дьявола*» (подобное представление о поведении татар было свойственно и в предшествующий период ряду древнерусских книжников, например, автору «Повести о Михаиле Тверском»[134]), в силу чего и «вниде въ сердце его *напасть роду христианскому*», но и *сам приобретает явно дьявольские черты*[135].

Согласно тексту памятника, «безбожный Мамай» движется на Русь «*яко лютъ ревый тигръ, яко мрачнолюбивый лютый лютъ лъвъ*»[136]. Подобное сравнение со львом, как показал А. С. Орлов, судя по всему, восходит к фразе Первого послания апостола Петра: «*супостатъ вашъ дьяволъ, яко лъвъ рыкаяй ходитъ, искай кого поглотити*»[137]. Кроме того, в приведенном отрывке, по мнению А. С. Демина, автор памятника «наделяет Мамая тем, что «обозначился злобный звериный нрав, со свирепыми животными, готовыми бросаться на людей». Дело еще и в том, что «как в зоологической реальности, так в литературной традиции лев и олень не были друзьями, они действовали вместе лишь в данном отрывке текста»[138]. Сравнение

---

[132] *Горский А. А.* О типах «царя»... С. 208-210. См. же: «Вместо или исполнения текста Русских...» С. 145-149.

[133] *Срезневский И. И.* Материалы... Т. 3. СПб., 1902. Стб. 420-421.

[134] Сказания и повести... С. 23. Ср.: ПСРЛ. Т. 26. С. 126.

[135] Сказания и повести... С. 26. ПСРЛ. Т. 26. С. 125.

[136] Сказания и повести... С. 38. ПСРЛ. Т. 26. С. 137.

[137] Ср.: *Оболенский Д. Д.* Пространная редакция... С. 18-19.

[138] По мнению Л. А. Дмитриева, наделение Мамая дьявольскими чертами призвано было усилить противопоставление «поганого» [illegible] Дмитрию Ивановичу, поскольку «на всякое его (Дмитрия. – *В. Р.*) выступление в делении стоит Бог» (*Дмитриев Л. А.* Публицистическая повесть... С. 151).

[139] Сказания и повести... С. 26, 48. ПСРЛ. Т. 26. С. 126.

[140] 1 Петр. 5: 8. Ср. подробнее: *Орлов А. С.* Об особенностях формы русских воинских повестей (значение XVII в.) // ЧОЛДР. 1902. Кн. 4. С. 30; *Адрианова-Перетц В. П.* Очерки поэтического стиля Древней Руси. М., Л., 1947. С. 89.

[141] *Демин А. С.* Художественные миры древнерусской литературы. М., 1992. С. 111. См.